

Коллин
Маккалоу

Colleen
McCullough

MORGAN'S RUN

КОЛИН
МАККАЛОУ

Путь Морiana

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough

MORGAN'S RUN

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккалоу, Колин.

М15 Путь Моргана : [роман] / Колин Маккалоу ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 768 с. — (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-099896-8

Остров Норфолк у побережья Австралии.

Остров, превращенный Англией в тюрьму под открытым небом, куда отправляют преступников.

И одним из ссыльных становится Ричард Морган. Еще вчера он был счастливым мужем и отцом, имел свое дело. А сегодня его несправедливо осудили и приговорили к пожизненному сроку...

Однако он не намерен сдаваться. Морган собирается сделать все возможное, чтобы вырваться с острова заключенных.

Даже если для этого придется рискнуть всем, что ему дорого...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 2000

© Перевод. У.В. Сапцина, 2002

ISBN 978-5-17-099896-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Посвящается Рику, брату Джону, Джо, Уэйдю, Хелен и множеству других ныне живущих людей, способных проследить свою родословную до Ричарда Моргана.

Но прежде всего эта книга посвящается моей обожаемой Мелинде, правнучке Ричарда Моргана в пятом колене.

С самого рождения нам присуще много качеств; об обладании некоторыми из них мы даже не подозреваем. Все зависит от того, какой путь предначертан нам Богом.

Часть 1

Август 1775 года — октябрь 1784 года

Мы вступили в войну! — выпалил мистер Джеймс Тислтуэйт.

Все, кроме Ричарда Моргана, вскинули головы и обернулись к двери, где в тусклом свете застыла громоздкая фигура. Минуту стояла такая тишина, что казалось, будет слышно, как упадет булавка, а затем нестройный хор возгласов донесся из-за каждого стола таверны — кроме того, за которым сидел Ричард Морган. Ричард почти не обратил внимания на тревожную весть: что значила война с тринадцатью американскими колониями по сравнению с участием ребенка, которого он держал на коленях? Четыре дня назад кузен Джеймс-аптекарь привил малышу оспу, и теперь Ричард томился в ожидании, не зная, подействует ли вакцина.

— Давай, Джимми, прочти нам газету, — подал голос из-за стойки Дик Морган, хозяин таверны и отец Ричарда.

Снаружи сияло полуденное солнце, его лучи били в кронгласовые окна, но в большом зале таверны «Герб бочара» царил полутьма. Поэтому мистер Джеймс Тислтуэйт прошествовал к стойке — туда, где горел масляный светильник. Из обоих карманов его пальто торчали рукоятки пистолетов. Водрузив на нос очки, он начал читать вслух, с фосом повышая и понижая голос.

Сквозь плотный туман тревоги Ричарда Моргана проникали лишь обрывки фраз — «явный и открытый мятеж... настойчивое стремление подавить мятеж и предать изменников суду...»

Почувствовав на себе укоризненный взгляд отца, Ричард добросовестно попытался сосредоточиться. Но неужели жар все-таки начинается? Так ли это? Если да, значит, вакцина подействовала. А если подействовала, неужели Уильям Генри все-таки заболеет оспой? И все равно умрет? Боже милостивый, нет!

Мистер Джеймс Тислтуэйт закончил чтение громогласным восклицанием:

— «Жребий брошен! Колонии должны покориться или восторжествовать!»

— Странно, однако, выразился король, — заметил хозяин таверны.

— Странно?

— Похоже, король считает победу колоний возможной.

— Вряд ли, Дик. Тот, кто пишет ему речи — полагаю, какой-нибудь недоучка-секретарь этого лоботряса лорда Бьюта, — наверняка питает пристрастие к риторике. — Последнее слово он сопроводил жестом, прижав к губам указательный палец.

Хозяин таверны усмехнулся и плеснул рома в небольшую оловянную кружку, а затем обернулся, чтобы сделать пометку мелом на грифельной доске, висящей на стене.

— Дик, Дик! За такую весть мне полагается выпивка за счет заведения!

— Ну уж нет! Рано или поздно мы все равно узнали бы ее. — Хозяин таверны поставил локти на стойку в том месте, где за долгие годы образовались заметные потертости, и воззрился на вооруженного мистера Тислтуэйта в теплом пальто. Да он безумен, как мартовский заяц! Пальто — в такую нестерпимую жару! — Сказать по правде, Джимми, это вовсе не гром с ясного неба, и потом, все дурные известия одинаковы.

Никто даже не пытался вмешаться в разговор; Дик Морган пользовался уважением посетителей, а Джимми Тислтуэйт давно снискал репутацию одного из самых чудаковатых жителей Бристоля. Посетители довольствовались тем, что слушали беседу, потягивая каж-

дый свое излюбленное питье — ром, джин, пиво, «бристольское молоко»*.

Обе миссис Морган хлопотали поблизости, принося пустые кружки Дику, который наполнял их и делал на грифельной доске новые пометки. Близился обед; аромат свежего хлеба, только что принесенного Пег Морган от булочника Дженкинза, смешивался с обычными запахами таверны, расположенной неподалеку от бристольской пристани. Большинство собравшихся в таверне мужчин, женщин и детей не торопились, намереваясь отведать свежего хлеба со сливочным маслом и ломтем сомерсетского сыра и завершить трапезу дымящейся говядиной с картофелем в густой подливе, поданной на оловянном блюде.

Отец не спускал с Ричарда недовольного взгляда. С отчаянием чувствуя презрение Дика, Ричард отважился вступить в разговор.

— Мы надеялись, — нерешительно начал он, — что ни одна из колоний не поддержит Массачусетс — ведь их предупредили, что дело может зайти слишком далеко. Неужели они и вправду рассчитывали, что король удосужится прочесть их послание? И если прочтет, то согласится пойти на уступки? Они же англичане! Подданные нашего короля!

— Вздор, Ричард! — оборвал его мистер Тислуэйт. — Слепая привязанность к ребенку лишила тебя способности мыслить! Король и его лизоблюды-министры стремятся ввергнуть наш благословенный остров в пучину бедствий! За последний год из тринадцати колоний было возвращено восемь тысяч тонн грузов, отправленных из Бристоля! Хозяин саржевой мануфактуры в Редклиффе разорился, четыреста человек лишились работы! Не говоря уже о работниках той фабрики близ Порт-Уолла, где расписывали ковры для Каролины и Джорджии! А те, кто делает трубки, мыло, бутылки, сахар и ром, — ты только подумай, Ричард! Мы живем за счет торговли по другую сторону океана, особенно с этими тринадцатью колония-

* «Бристольское молоко» — название сухого хереса, ввозимого в Англию через г. Бристоль. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ми! Объявить войну колониям — значит, своими руками погубить торговцев и тех, кто поставляет им товар!

— Насколько мне известно, — вмешался хозяин таверны, шурясь от дыма, — лорд Норт обнародовал «Воззвание о подавлении вооруженного мятежа».

— В этой войне нам нечего рассчитывать на победу, — заявил мистер Тислтуэйт, оборачиваясь и протягивая пустую кружку Мэг Морган.

Ричард предпринял еще одну попытку:

— Да полно тебе, Джимми! Мы победили Францию в Семилетней войне, Англия — величайшая страна мира! Король Англии не проигрывает в войнах...

— Только потому, что ведет их вблизи от Англии, или против язычников, или против невежественных дикарей, которых предают их вожди. Но жители тринадцати колоний, как ты справедливо заметил, англичане. Это цивилизованные люди, знакомые с нашими обычаями. В их жилах течет наша кровь. — Мистер Тислтуэйт распрямил плечи, вздохнул и сморщил аристократический, красный от неумеренных возлияний крупный нос. — Они мнят себя просвещенными людьми, Ричард. Навязывают свою волю, смеют спорить, смотрят сверху вниз. Да, они англичане, но отнюдь не в строгом смысле слова. И они находятся очень далеко, о чем в своем невежестве забывают король и его министры. Ты мог бы возразить, что мы выигрываем войны благодаря нашему флоту, — но сколько времени прошло с тех пор, когда мы в последний раз одержали победу или потерпели поражение за пределами наших островов благодаря сухопутным войскам? И разве мы способны выиграть войну на море, сражаясь против врага, у которого нет флота? Нам придется воевать на суше. На тринадцати клочках земли, не имеющих даже общих границ. С врагом, неспособным вести слаженные боевые действия.

— Ты только что опроверг самого себя, Джимми, — вставил хозяин таверны с улыбкой и не подумал взяться за мел, протягивая Мэг заново наполненную ромом кружку.

— Наша армия не имеет себе равных. Колонистам не выстоять против нее.

— Согласен, согласен! — воскликнул Джимми, жестом благодаря обычно скуповатого владельца таверны за дармовой ром. — Колонисты вряд ли выиграют эту битву. Но все дело в том, что им не понадобится вступать в сражения, Дик. Им требуется всего лишь выжить. Ибо нам придется воевать за их землю, а не за Англию.

Он сунул руку в левый карман пальто, извлек массивный пистолет и с грохотом опустил его на стойку под испуганные вскрики посетителей таверны. Ричард, держащий на коленях маленького сына, отвел дуло в сторону стремительным движением, которое никто не успел заметить. Все знали, что пистолет заряжен. Оставаясь глухим к вызванному им переполоху, мистер Тислтуэйт порылся в глубинах кармана, вытащил несколько свернутых листов тонкой бумаги и принялся изучать их один за другим сквозь очки, стекла которых увеличивали его бледно-голубые, налитые кровью глаза. Темные вьющиеся волосы мистера Джеймса Тислтуэйта выбились из-под ленточки, которой он небрежно перетянул их, — он не разменивался на парики и косицы.

— Вот оно! — наконец воскликнул он, разворачивая лондонскую газету. — Леди и джентльмены, завсегдатаи «Герба бочара», семь с половиной месяцев назад в палате лордов состоялись шумные дебаты, во время которых знаменитый старик Уильям Питт, граф Чатем, произнес свою величайшую речь. В защиту колонистов. Но меня взволновали не слова Чатема, — продолжал мистер Тислтуэйт, — а реплика герцога Ричмонда, цитирую: «Да, мы способны сеять ужас и разрушение, но все это не значит, что мы умеем править!» Как верно, как справедливо! А вот еще отрывок, где содержится одна из великих философских истин, хотя у лордов он вызвал лишь саркастические усмешки: «Ни один народ нельзя заставить подчиниться форме правления, воздействия которой он не ощущает».

Он огляделся и кивнул.

— Вот почему я утверждаю, что все битвы, которые мы выиграем, будут бесполезны и никак не повлияют на исход войны. Если колонисты выживут, они по-

бедают. — Блеснув глазами, он свернул газету, сунул всю пачку бумаг обратно в карман и отправил туда же пистолет. — Ты слишком много знаешь об оружии, Ричард, и в этом твоя беда. Ни ребенку, ни кому-либо из присутствующих не грозила опасность. — В горле у него зародилось ворчание, от которого задрожали поджатые губы. — Я всю жизнь провел в этой зловонной выгребной яме под названием Бристоль, от скуки развлекаясь тем, что превращал гноящиеся раны правительства тори, всех этих квакеров, шейкеров и «делателей королей», в темы для своих пасквилей. — Он помахал поношенной треуголкой своим слушателям и прикрыл глаза. — Если колонисты выживут, они победят, — повторил он. — У каждого жителя Бристоля найдется тысяча знакомых колонистов — город кишит ими, как ночь — летучими мышами. Распад империи, Дик, — вот первый предсмертный хрип наших английских глоток. Я знаком с колонистами и уверен, что они победят.

Странный зловещий звук ворвался в зал с улицы — гул множества сердитых голосов; фигуры смутных очертаний, неторопливо проплывающие за окнами, сменились быстро мелькающими тенями.

— Мятежники! — Вскочив на ноги, Ричард протянул ребенка жене. — Пег, скорее унеси Уильяма Генри наверх! Мама, ступай с ними. — Он обернулся к мистеру Тислтуэиту. — Джимми, ты намерен стрелять с обеих рук или, может быть, одолжишь мне второй пистолет?

— Боже упаси! — Дик вышел из-за стойки, и все присутствующие убедились, что он не уступает Ричарду ни ростом, ни крепостью телосложения. — Здесь, на Бродстрит, мятежники не появлялись даже в те времена, когда из Кингсвуда нагрянули углекопы и сцапали старину Брикдейла. Такого не случалось, даже когда матросы подняли бунт! Что бы там ни было, это не мятеж. — Он направился к двери. — Но я хочу узнать, что происходит, — заключил он и затерялся в толпе. Посетители «Герба бочара» последовали за ним, среди них были и Ричард, и Джимми Тислтуэйт с торчащими из карманов ру-

На улице бурлила толпа, люди высовывались из каждого окна, рискуя свернуть шею; не видно было ни единого камня на мощеной улице, ни одной плиты тротуара, недавно проложенного по обе стороны Брод-стрит. Людской поток подхватил троих мужчин и понес к перекрестку Уайн-стрит и Корн-стрит. Но они оказались не в окружении мятежников, а в толпе состоятельных, донельзя рассерженных горожан, среди которых не было ни женщин, ни детей.

На противоположной стороне Брод-стрит, ближе к торговому кварталу вокруг муниципалитета и биржи, располагался постоялый двор «Белый лев», штаб-квартира «Общества непоколебимых». Так назывался клуб тори, оплот его величества короля Англии Георга III, подданных которого члены клуба с легкостью обрекали на смерть. Очагом волнений стала соседняя «Американская кофейня»; вывешенный над ней красно-белый полосатый флаг большинство американских колонистов считали своим знаменем — в тех случаях, когда флаг Коннектикута, Виргинии или другой колонии был неуместен.

— Пожалуй, — заговорил Дик Морган, тщетно приподнимаясь на цыпочки, — лучше будет вернуться в «Герб бочара» и посмотреть из окон верхнего этажа.

Так они и сделали, поднявшись по ветхой скрипучей лестнице за стойкой и прильнув к окнам мансарды, опасно нависающей над Брод-стрит. Из дальней комнаты слышался плач маленького Уильяма Генри, над колыбелью которого ворковали и хлопотали мать и бабушка. Суматоха на улице ничуть не интересовала Пег и Мэг, поскольку успокоить Уильяма Генри никак не удавалось. Шум не соблазнял и Ричарда, которого тянуло присоединиться к женщинам.

— Ричард, в ближайшие несколько минут с ним ничего не случится! — рявкнул Дик. — Иди сюда и смотри, черт бы тебя побрал!

Ричард нехотя подошел, выглянул в распахнутое окно и изумленно ахнул:

— Отец, янки! Господи, а это что за штуковины?

Штуковинами он назвал два сшитых из тряпок чучела, весьма умело набитых соломой, обмазанных еще дымящейся смолой и вываленных в перьях. На головах у них красовались эмблемы колонистов — чудовишно старомодные, но очень удобные шляпы с низко опущенными широкими полями, в окружении которых низкая круглая тулья смотрелась точно желток посреди яичницы.

— Эй! — взревел Джимми Тислтуэйт, заметив знакомого, облаченного в дорогой костюм. Тот сидел на краю повозки, груженной высокими бочонками. — Мастер Харфорд, что происходит?

— «Общество непоколебимых» приговорило к повешению Джона Хэнкока и Джона Адамса! — выкрикнул в ответ богач квакер.

— Потому что генерал Гейдж отказался помиловать их после подписания соглашения?

— Не знаю, мастер Тислтуэйт. — Явно опасаясь язвительных насмешек, Джозеф Харфорд спустился со своего наблюдательного поста и растворился в толпе.

— Лицемер! — буркнул себе под нос мистер Тислтуэйт.

— Это не Джон, а Сэмюэл Адамс, — сообразил Ричард, в котором пробудилось любопытство. — Разве нет?

— Если «Общество непоколебимых» вознамерилось повесить богатейших купцов Бостона — тогда да, это должен быть Сэмюэл. Но Джон больше пишет и болтает, — откликнулся мистер Тислтуэйт.

В портовом городе добыть две веревки и затянуть петли не представляло труда; эти веревки появились как по волшебству, и вскоре две твердые, вываленные в перьях куклы в человеческий рост были вздернуты на вывеске «Американской кофейни», лениво покачиваясь и продолжая медленно тлеть. Ярость угасла, толпа членов «Общества непоколебимых» постепенно вливалась в гостеприимно распахнутые синие двери «Белого льва».

— Тори — мерзавцы! — заявил мистер Тислтуэйт, спускаясь по лестнице и лелея мечту о кружке

— Ступай прочь, Джимми! — отозвался хозяин таверны, спеша запереть дверь на засов, пока не кончатся уличные волнения.

Ричард не последовал за отцом вниз, хотя к этому призывал его долг: его имя было вписано рядом с именем Дика в книге Корпорации бристольских торговцев. Ричард Морган, трактирщик, заплатил пошлину и был признан фрименом — почетным, наделенным избирательным правом жителем города, образующего отдельный округ в отличие от соседних Глостершира и Сомерсетшира, гражданином второго по величине города всей Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии. Из пятидесяти тысяч душ, проживающих на территории Бристоля, только семь тысяч считались фрименами и имели право голосовать.

— Вакцина действует? — спросил Ричард у жены, склоняясь над колыбелью. Уильям Генри забылся беспокойным сном.

— Да, дорогой. — Нежные карие глаза Пег вдруг наполнились слезами, губы задрожали. — Теперь будем молиться, Ричард, чтобы он не заболел оспой. Впрочем, жар у него не такой сильный, как был у Мэри. — И она легонько подтолкнула мужа. — Ступай прогуляйся как следует. Можно и шагать, и молиться одновременно. Иди, Ричард, прошу тебя. Если ты останешься здесь, отец разворчитя.

После кратковременной паники, которая охватывала город за считанные минуты, едва возникала угроза мятежа, Брод-стрит погрузилась в апатию. Проходя мимо «Американской кофейни», Ричард на минуту остановился, рассматривая раскачивающиеся чучела Джона Хэнкока и Джона или Сэмюэла Адамса. Из столовой «Белого льва», где обедали члены «Общества непоколебимых», до него долетали взрывы смеха и злобные выкрики. Губы Ричарда презрительно скривились; Морганы были преданными сторонниками виггов, их голоса обеспечили успех Эдмунду Берку и Генри Крюгеру на выборах в прошлом году — и каким же посмешищем они стали! А как разозлился лорд Клер, почти не получив голосов!